

ПРОЛОГ

Лили

Когда я думаю о своей матери, мне хочется плакать. Ее жизнь — настоящий провал. Провал в любви. У нее могла быть нормальная семья, как у всех, но нет — у нее появилась я. Иногда я думаю, что для всех было бы лучше, если бы она никогда не стала моей матерью.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Габриэль

«А где папа Лили?»

Этого вопроса я не ожидала. По крайней мере, так рано. Моя дочь всегда была необычной.

Я не знала, что ответить, хотя в глубине души понимала, что солгать ей не смогу. Никогда. Ни в ее два с половиной года, ни в ее тридцать. Между нами всегда была только правда, ничего кроме правды. Даже если она причиняла боль, даже если мы не могли ее объяснить.

Так что я посмотрела дочке прямо в глаза и сказала: «Папа ушел».

Лили

Учительница в школе как-то спросила: «Папа — кто это такой?»

Сначала я решила, что она шутит. Она же видит пап каждое утро. И потом, она должна это знать. Учителя все знают.

Одноклассники пытались ответить на вопрос, и, как ни странно, все говорили разное. Когда подошла моя очередь, по глазам учительницы я увидела, что ей нужна помощь, и сказала: «Папа — это тот, кого никогда нет рядом. Кто-то вроде человека-невидимки, кажется».

Габриэль

Когда я сказала Лили: «Папа ушел» — помню, она сидела на полу и рисовала; ей нравилось так, хотя рядом стоял стол, — она вскочила. Начала открывать все двери, шкафы, сновала туда-сюда, как лабораторная крыса, потом сняла свои фиолетовые тапочки, надела туфли и распахнула входную дверь нашей квартиры.

Я всегда буду помнить, как спросила ее: «Лили, что ты делаешь?» И ее ответ: «Ну, я ищу папу!»

Лили

Отец меня не признал. В детстве я думала, это значит, что я на него не похожа. Но я не очень похожа на маму, значит, должна быть похожа на него. Должна же я быть на кого-то похожа.

Габриэль

Это же было очевидно. Он ушел — значит, нужно его искать.

Лили

Я никогда его не видела, даже на фотографиях. Он ушел, когда мне было три месяца. Три месяца, как я появилась в животе моей матери.

Нужно иметь мужество, чтобы бросить свою семью, когда ей всего три месяца.

Габриэль

С отцом Лили у нас, скажем так, не сложилось. Он ушел, а я осталась с лучшим подарком на свете.

Лили

«Когда появилась Лили...»

Мама говорит обо мне, как о посылке, которую получила по ошибке. Она до сих пор удивляется сюрпризу, который преподнесла ей жизнь.

Габриэль

Я задавалась множеством вопросов. Не столько о том, оставить ли ребенка, или подходящий ли сейчас момент, сколько о том, не эгоистично ли это с моей стороны. А если со мной что-то случится — что будет с ней?

Лили

Отца не было при подготовке к моему рождению. Не было, когда делали УЗИ. Когда у мамы отошли воды. Когда нужно было срочно везти ее в роддом. И держать за руку. Отца не было, когда настала пора перерезать пуповину.

Так что пуповина все еще на месте.

ГЛАВА 2

Габриэль

Первая ночь была ужасной. Ее забрали у меня и положили в инкубатор для новорожденных, подсоединив к целой куче трубок. Я стояла за стеклом, смотрела, как поднимается ее крошечная грудь, и плакала. Первый день, первая неудача.

Лили

Я родилась раньше срока. Видимо, торопилась начать жить и, главное, встретиться с мамой.

Габриэль

Слишком маленькая, слишком худая, слишком слабая. Потому что все случилось слишком рано. Я не знала, как удержать ее, как защитить. Мне нужно было продержаться еще месяц. Согревая ее в своем животе.

К жизни ее возвращала машина. Машина справлялась там, где я потерпела поражение.

Всю ночь я простояла у разделяющего нас стекла: молилась, надеялась, ждала. Именно тогда я поняла, что моя жизнь навсегда изменилась. Я стала уязвимой.

Лили

Моя мама постоянно тревожилась. Обо всем, без всякой причины. Не знаю почему, наверное, это у нее в характере. Я говорю ей, что так она себя доведет до какой-нибудь болезни. Из-за того что не спит по ночам, составляя всякие списки: «не забыть позвонить в больницу Неккер по поводу обследования через шесть месяцев», «не забыть подтвердить летний лагерь на июль», «не забыть записаться на предварительный осмотр машины перед ТО», «не забыть купить хлеб, чтобы сделать крок-месье* для Лили...».

У моей матери всегда «сначала дела, потом удовольствия». И самым большим удовольствием для нее было вычеркивать дела из списка.

Проблема заключалась в том, что новые дела появлялись каждый день. Поэтому я никогда не видела маму отдохнувшей, не перегруженной. Она вставала в шесть утра,

* Крок-месье (фр. croque-monsieur) — французский горячий бутерброд из тостового хлеба с ветчиной и сыром, иногда с добавлением сливочного соуса. — *Прим. ред.*

не спала по ночам и постоянно была начеку. Постоянно волновалась — но о чем?

Габриэль

Когда тебя совсем некому подменить и ты всегда должна думать обо всем сама — это тяжело, это постоянное напряжение, постоянная ответственность.

При малейшей оплошности тебе кажется, что ты справляешься вдвое хуже, чем любой другой родитель. Тебя осуждают, за тобой пристально наблюдают.

Если она плохо воспитана, если в школе у нее плохие оценки, если она дерзит, если больна, если... это всегда моя вина, всегда — результат того выбора, который я сделала в жизни.

Так что да, я не сплю по ночам. Я размышляю, стараюсь предугадать, готовлюсь к худшему, к любому развитию событий. Реально к любому: «Что, если со мной что-нибудь случится? Что, если я сломаю ногу? Если потеряю работу? Если заболею? Что, если...»

Готовлюсь ко всему, кроме одного. Кроме того, что ни один родитель и представить себе не может.

Лили

Никто и никогда не сможет разлучить меня с матерью. Пуповина, которую некому было перерезать, по-прежнему связывает нас.

Габриэль

Когда я впервые взяла Лили на руки, она уставилась в мои глаза, и в этот миг все любовные истории, проблемы, работа — все на свете исчезло. Все, кроме моей дочери. Лили стала центром моей вселенной.

Без нее моя жизнь больше ничего не стоила. Я была готова пожертвовать ею ради дочери. Но в тот же момент я поняла, что ничего не смогу сделать, чтобы уберечь ее от страданий или смерти. Наделенная непостижимой для меня силой, я даровала ей и жизнь, и смерть. И то и другое.

ГЛАВА 3

Габриэль

Я всегда буду помнить то лето. Мы отдыхали в кемпинге. Его название — «Водяная мельница» — особых удобств не предвещало. По правде сказать, и стоил он недорого!

Нам выдали маленькую оранжево-голубую палатку, ее установка далась нелегко. Когда мы собирались уезжать, Лили сказала: «Почему мы не купим новую? Она будет нашей и прослужит много лет!» Отдых в кемпинге ей нравился больше всего. Я ответила: «Нет-нет, если уж нам повезло и кто-то может просто дать ее напрокат... И вообще, я все детство ходила в походы, Лили, я знаю, что делать, я помню!» Но я забыла, как все было тогда: отец раздавал указания, мама обливалась потом, я держала центральную стойку, а они продолжали спорить. В результате мы с родителями больше никогда не ездили отдыхать вместе, а я так и не стала экспертом по стойкам и колышкам.

Я очень хорошо помню то лето с Лили: в тот год она научилась плавать.

Целую неделю она купалась со специальным поясом для плавания. Каждый день я снимала с него по одному поплавку, а она не понимала, что я делала. И вообще, они казались ей бесполезными и неудобными.

Но в последний день она все никак не могла решиться войти в воду. Стояла на скале и боялась прыгнуть, хотя там было не очень высоко. А может, и очень — ребенку вполне могло так показаться.

В общем... Она закричала: «Мамочка, мне страшно», а я ответила: «Давай, доверься мне!» И она прыгнула. В поясе, но без поплавков. И поплыла!

Она подплыла, повисла у меня на шее, обхватив ногами за талию — ни дать ни взять коала, — и сказала: «Ты это видела? Мам, ты видела?! Я сама!» Она становилась большой. И я гордилась ею. Всем, что она делает. А она продолжала твердить: «Я сама».

Лили

Мне нравилось отдыхать в кемпингах. Я чувствовала себя Робинзоном Крузо. Четыре колышка, веревка, дрова — и у нас было где спать и готовить еду. Это была чудесная жизнь. Мы с мамой прекрасно справлялись. Нас было двое, и мы были счастливы. Я помогала ей устанавливать палатку, держала центральную стойку, пока она возилась с боковыми, я натягивала брезент, а она забивала колышки. Это была свобода!

Дни напролет мы плавали и ныряли — и в дождь, и в солнце. Я прыгала со скалы, забираясь все выше, погружаясь все глубже. Мама всегда была рядом, готовая поймать меня, но это были мои личные подвиги, я совершала их сама. Одна. Кажется, я вообще ничего не боялась.

Кстати, моим первым словом было «сама». Мне не исполнилось и двух лет, а я уже без посторонней помощи ела маленькой ложкой: мне показали только, как провести ею по краю стаканчика, чтобы лишний йогурт не капал на стол. Кое-что получалось само собой — например, отправлять ложку в рот или держать книгу; мне не понадобилось этому учиться. Но были и такие навыки, которые пришлось отрабатывать тайком.

Габриэль

Не знаю, почему моя дочь всегда была такой скрытной. Занималась чем-то в уголке, в своей комнате, за закрытой дверью. Ничем особенным, но она всегда окружала свои дела тайной. Я никогда не знала, чем именно она занята...

Лили

Думаю, в нашей семье просто не принято показывать, что у тебя что-то не получается, что ты не справляешься, в чем-то сомневаешься, чего-то не знаешь... Поэтому приходится притворяться. Притворяться сильной. Мы никогда

не просим о помощи. Справляемся как можем. Сами. Особенно мама.

Не знаю, почему она такая. Почему и я тоже так поступаю... Может быть, я не хотела разочаровывать маму, не хотела показаться несовершеннолетней, не способной преуспеть. Ей и так тяжело было все предусмотреть, так что лишних хлопот я ей доставлять не хотела.

Я не имела права на вопросы, только на ответы. У меня не должно было быть проблем, только решения. Не проси о помощи, а предлагай ее. Такова была моя роль. Так у нас повелось.

Поэтому я улыбалась и усиленно делала вид, что все в порядке, и довольно долго это срабатывало. В нашем дуэте пессимисткой всегда была мама. А значит, я должна была оставаться неисправимой оптимисткой.

ГЛАВА 4

Лили

Спросите любого человека, и он ответит, что хочет быть нормальным. Все хотят быть нормальными. Иметь семью как у всех — двоих родителей, братьев и сестер.

Габриэль

Я больше никогда не видела ее отца и никогда не общалась с ним. Думаю, так было лучше для всех. Мы по нему не скучали. Я понимаю, у дочери могли возникать вопросы. У других детей отцы были. А у нее — нет. Но Лили была желанным ребенком: ее ждали и любили еще до того, как она появилась на свет.

В общем, если бы я знала, что будет дальше, если бы могла выбирать, все было бы по-другому, но тут уж никто не виноват.

Лили

Я знаю, что маме хотелось много детей, я и сама мечтала о брате или сестре. Но она так никого и не завела. Ну, почти никого. Когда я говорю «завела», кажется, что речь идет о декоративном кролике.

Это был сознательный выбор. Ее выбор. Наверное, в этом есть и моя вина. Я для нее была важнее всего. Она хотела меня защитить.

Габриэль

В какой-то момент Лили стала пытаться выдать меня замуж за каждого встречного: за почтальона, детского врача, отцов ее школьных подруг. Это началось, когда ей было года три или четыре. И продолжалось довольно долго. На самом деле она хотела братьев и сестер, а не отца. Однажды, лет в десять, это вдруг прекратилось. Я думаю, она поняла, что не нужен ей никакой отец, ведь он заберет все самое дорогое, что у нее есть.

Но ей по-прежнему нужна была компания, кто-то, с кем можно делиться печалью и секретами, с кем можно поговорить. Поэтому мы завели Танги. Но он пробыл с нами недолго.

Лили

Когда Танги умер, я положила в небольшую коробку из-под обуви сено, которое он любил, и морковку; мы пошли в сквер рядом с домом и похоронили его. Я часто навещала Танги и рассказывала о своей жизни: о ссорах в школе, о лучшей подруге, которая перестала быть подружкой, о том, как мы помирились. Он всегда внимательно слушал, иногда задавал вопросы. «А у вас были на этой неделе крок-месье? Перевязанные шпагатиком, как раньше? Принесешь в следующий раз немного крошек? А как твоя мама? Много времени говорит по телефону?» Кстати, любопытство и чревоугодие его и погубили — иногда это и правда худшие из недостатков. Вот я никогда не задаю раздражающих вопросов. А еще есть вещи, о которых просто нельзя спрашивать. Иначе это поставит маму в неловкое положение.

Габриэль

Потом у нас были Гектор, Афина, Хеопс, мистер Проппер, Жан-Люк, Симона и Марсель. Множество разных животных: декоративные кролики, хомяки, черепахи, попугаи. В основном мужского пола. Не знаю, специально ли мы так выбирали. Может быть, для равновесия? Но и они тоже недолго оставались с нами.

Лили

Чтобы компенсировать отсутствие братьев и сестер, я сделала их себе сама — из бумаги, в натуральную величину. Я рисовала их на склеенных листах бумаги — я любила рисовать — и развешивала на стене у себя в комнате. Потом садилась на пол и играла с ними. Я решила, что буду старшей сестрой трех братьев и двух сестер.

Итак, у меня был Моджи, суперпрофи во всех настольных играх, особенно в шахматах, но проигрывать он не любил, поэтому я никогда не играла с ним подолгу. Еще был Нуми, он любил животных и знал о них все: вес, продолжительность жизни, величину. Он многому меня научил. Третий брат был сущим клоуном. С ним я шутила без остановки, и когда становилось слишком одиноко, то говорила именно с ним. Но однажды в четверг он умер, пока я шла из школы. Я до сих пор часто с ним разговариваю. Мертвые не покидают нас, просто становятся невидимыми.

Иногда я была дирижером оркестра, состоявшего из моих братьев и сестер. Каждый играл на своем инструменте, я задавала ритм. Не у всех был слух, но мы неплохо исполняли «Времена года» Вивальди. Особенно «Осень».

Мне всегда нравилось принимать решения, руководить, управлять. И, к счастью, долгое время мама мне это позволяла.

ГЛАВА 5

Габриэль

Мне никогда не хотелось начать свою жизнь с нуля. Я вообще не понимаю, что это значит: моя жизнь должна продолжаться, а не начинаться с нуля. Он ушел? Тем хуже для него. А мы будем жить дальше. Одинокому родителю трудно найти место для кого-то еще, трудно перестать защищать себя. Перестать защищать *нас*. Но если я от чего и отказывалась, то не ради Лили. Только ради себя.

Так что да, я очень рано вычеркнула из жизни любовные истории и ничего страшного в этом не находила. Теперь нужно проявлять осмотрительность. Я не могла допустить, чтобы меня снова бросили. Теперь я была не одна, у меня появилась дочь, и страдали бы мы обе.

Кроме того, ни для кого, кроме нее, я не пошла бы ни на один компромисс.

Всего только раз мама обзавелась мужчиной, но история с ним продлилась еще меньше, чем с Танги. Я даже не могла бы называть его отчимом, потому что он не дал нам времени к себе привыкнуть. Он исчез очень быстро, сам по себе. Даже не помню почему...

В то недолгое время он как будто хотел заменить мне отца, хотя я в этом не нуждалась и его об этом не просила. Я не страдала от отсутствия отца. Как можно тосковать по тому, кого никогда не знал?

После вторжения этого незнакомца в нашу жизнь больше всего меня расстраивало то, что у мамы стало меньше времени для меня. Она часто была с ним, а я часто оставалась одна. Как-то вечером я даже ела в одиночестве, потому что у них был запланирован романтический ужин. В другой раз мне пришлось раньше лечь спать, хотя это был выходной, — лишь потому, что им хотелось посмотреть фильм, который не был рассчитан на детей. Мы с мамой смотрели мультфильмы — «Маленькая принцесса Сара», «Катри, девочка с лугов» и другие — и плакали, если становилось слишком грустно. Из-за *него* все наши привычки изменились, и для меня нигде не находилось места. Я не была брошенной, но чувствовала себя лишней. Чувствовала, будто теряю свое место. Перестаю быть важной. Любимой. Я привыкла, что мама принадлежит только мне, и все происходящее теперь казалось таким странным...

Габриэль

Ах да, теперь я вспомнила... Как-то я познакомила Лили со своим другом. Но ничего не вышло. У нас с ним — да. А вот у них ничего не получилось.

Лили была к нему очень строга. Ей было восемь, а может, девять лет, и она говорила ему ужасные вещи. «Ты мне не отец! Это не твое дело!» Она очень оберегала меня от других. Я принадлежала ей. Ей казалось, я разрушаю наши с ней отношения. И она принимала это на свой счет — думала, что ее одной мне недостаточно, что она не справляется — не может сделать меня счастливой.

Когда он впервые захотел остаться у нас на ночь, она сказала ему: «Ты будешь спать в моей комнате, а я с мамой! Девочки отдельно, мальчики отдельно!» Он так удивился...

Но, даже если бы она не старалась его отгнать, он бы все равно надолго не задержался. Он был просто одержим идеей сделать мне ребенка. А у меня уже была Лили.

Лили

После той странной попытки наша жизнь текла как длинная спокойная река. Думаю, мама никогда не была влюблена. А ведь она красивая, высокая, у нее прекрасные зеленые глаза, нежная кожа, и от нее так хорошо пахнет...

Мама красива, но не знает об этом.

Габриэль

Нехватки любви я не чувствовала. С моей дочерью — никогда. То, что бывает между детьми и родителями, — прекраснее всего на свете. Зачем искать где-то еще отношений, которые могут закончиться, если вы уже обрели безусловную и бесконечную любовь?

ГЛАВА 6

Габриэль

Я всегда говорила с ней как со взрослой. Не уверена, что нашелся бы мужчина, который одобрил бы мои отношения с дочерью. Хорошо, что мне ни у кого не нужно было спрашивать разрешения. Я никогда не могла говорить с ней как с ребенком. Скорее всего, она бы этого просто не позволила.

Дочь всегда поражала меня пристальным взглядом своих больших глаз и многозначительным молчанием. Я очень быстро поняла, что она не такая, как другие. Еще младенцем она следила за мной, что бы я ни делала. И казалось, все понимала. С ней ничего никогда не бывало обычным.

Лили

Разница в возрасте никогда не была помехой. Я не чувствовала себя ребенком или кем-то неважным. Мама всегда говорила со мной как с равной. Решения мы принимали вместе, мое мнение и мои желания всегда имели значение.

Конечно, я повзрослела быстрее других детей, но, честно говоря, это оказалось к лучшему.

Габриэль

Иногда я брала Лили с собой на работу. С детьми своего возраста она не всегда находила общий язык, зато мои «старички» очень ее интересовали. Она усаживалась рядом, брала их за руку и начинала сыпать вопросами: «А у тебя когда-нибудь была любовница? А где она сейчас? А кем ты раньше работал? Погоди-ка, ты воевал? Ты был ранен? Ты боялся? Ладно, давай играть! В “Скрабл” или в “Боггл”?»*

Я не знала, о чем они говорят часами напролет, но, так или иначе, все оседало в ее головке, и через несколько дней она, нахмутив брови, подходила ко мне с очередным вопросом.

«А что, если завтра начнется война? У нас ведь нет папы, и значит ты, мама, пойдешь воевать? А если со мной некому будет сидеть, придется отдать меня в детский дом? Вот что я тебе скажу, мама, я пойду работать, ведь нам нужны будут деньги, чтобы покупать хлеб на черном рынке. Я могла бы стать почтальоном — я умею читать, ездить на велосипеде и хорошо ориентируюсь, — я бы передавала письма людям и сведения партизанам. Но письма с плохими вестями я бы

* «Боггл» — настольная игра, в которую обычно играют вдвоем. Нужно составлять слова из доставшихся букв и записывать их на бумаге. — *Прим. пер.*

не доставляла. Я бы их рвала. Плохие вести причиняют слишком много боли!»

Честно говоря, я и не подозревала, что она так много думает. Она прислушивалась ко всему, что происходило, ко всему, что говорили рядом. Она была как настоящая губка. А иногда — как шпионка.

Лили

Я всегда шпионила за мамой. Особенно если она закрывалась у себя в комнате, чтобы кому-нибудь позвонить. Это означало: она не хочет, чтобы я о чем-то узнала. И естественно, это начинало интересовать меня больше всего на свете.

Я припадала глазом к замочной скважине и смотрела, как она накручивает телефонный шнур на палец, как шепчет, вздыхает и кладет трубку. Иногда после такого звонка она впадала в какую-то задумчивость. Надолго. Потом глубоко вздыхала и направлялась к двери. Я убегала к себе, и когда она приходила, то уже сидела на полу — рисовала или читала.

И каждый раз она улыбалась мне своей самой прекрасной улыбкой и говорила веселым голосом. Как будто ничего не случилось. Как будто за мгновение до этого она не была расстроена.

Габриэль

Лили очень хорошо понимала, когда я чего-то не договаривала или когда что-то шло не так.

Разговоры с Лили — это было нечто! Она внимательно слушала, брала паузу, чтобы подумать, а потом, как маленький философ, спрашивала такое, о чем я никогда не задумывалась. «Если Луна проходит вокруг Земли за двадцать восемь суток, с чего мы решили, что в одном месяце должно быть тридцать дней или тридцать один? Это же бессмысленно! Мам, кто это придумал? — Отличный вопрос, дорогая! Давай поищем ответ вместе, если не возражаешь, потому что я не хочу говорить тебе всякую чушь».

Я училась вместе с ней.

Не я учила ее, а она — меня.

ГЛАВА 7

Лили

У меня было три страсти: учиться, играть — ну, скорее выигрывать, чем просто играть, — и рисовать.

— Мам, не двигайся.

— Что ты там делаешь?

— Рисую тебя. Ты такая красивая!

— Это потому, что ты видишь меня глазами любви, моя дорогая.

Мама всегда была застенчивой. Она стеснялась всего.

Своего тела, необразованности, а может, и недостаточного ума. Ей всегда казалось, что ее осуждают. Казалось, будто она не настолько хороша, чтобы соответствовать уровню других, чтобы ее любили. И это возникло не на пустом месте...

Все началось с того, что ее отец, мой дед, не хотел дочь. В роддоме он поставил люльку с ней на стойку перед медработниками и сказал: «Забирайте. Мне ссыкуха не нужна!»

Потом над ней смеялись в школе: слишком высокая, слишком большие зубы, слишком большая грудь, слишком

женственная фигура. Короче говоря, все у нее было не так. Все не так, все неправильно. А еще она постоянно таскала за собой, как пушечное ядро, прикованное к ноге, свои неудачи в учебе. У нее ничего не получалось! Даже если она старалась больше других — следует признать, что терпения ей было не занимать, — результатов это не приносило. От школьных лет у нее остались шрамы на всю жизнь. И до сих пор, даже став взрослой, она по-прежнему ранима, как в детстве.

После всего этого она вполне могла бы жить в постоянном страхе потерпеть неудачу, оказаться брошенной, отверженной, но, как ни странно, она решила ни о чем таком не думать. Больше всего она хотела детей. Хотела как можно скорее уехать из родительского дома и завести детей. Много-много детей.

Но из-за меня... ничего не вышло!

Габриэль

В моей голове нет прекрасного образа пары. Надо сказать, что у меня не было хорошего примера для подражания. Мои родители, мягко говоря, не ладили. Они не любили друг друга и часто ссорились. Они так и не развелись, хотя явно стоило.

Лили

Я всегда хотела отомстить за то, что пришлось пережить моей маме. Всегда чувствовала какую-то несправедливость по отношению к ней. Но тогда я не понимала, в чем дело.

А когда выросла, поняла.

Габриэль

Я из такой семьи, где пропивают зарплату; где деньги, которых и так нет, просаживают в моментальные лотереи. Из семьи, где пинают собаку, где всегда включен телевизор. Из семьи, где все пропахло табачным дымом, сыростью, пылью и алкоголем, где в пепельнице всегда тлеет сигарета; где над холодильником орет радиоприемник, обнадеживая очередным розыгрышем и возможным заветным звонком. Но телефон никогда не звонит.

Тогда тут продолжают ждать. Ждать помощи или работы, которые свалятся с неба.

В такой семье не принято проводить время вне дома, ездить в отпуск, ходить в библиотеку. Единственный маршрут — в ближайшее бistro, чтобы с утра опохмелиться пастисом* и купить пачку Gitanes. В такой семье звучат только ругань и сленг, здесь постоянно жалуются, костеря школу

* Пастис (фр. Pastis) — анисовая настойка, употребляется в качестве аперитива. — *Прим. ред.*

и государство. В такой семье детям в наследство оставляют только долги.

Вот из какой я семьи. Поэтому с появлением Лили я выстроила жизнь по-своему. Уж как смогла.

Лили

Мама обходилась без них. Мы жили в своем коконе. В наших сердцах не было места для кого-то еще. Нам хватало друг друга. Моя семья состояла только из нас двоих.

Габриэль

Я ушла от родителей, как только смогла. Я соглашалась на любую работу, даже на ту, за которую никто не брался. Никто, кроме меня. Но я знала, ради чего все это; у меня была своя причина, и она перевешивала все остальное. Я думала: никогда больше! Ни для меня, ни для моих будущих детей. Они заслуживают лучшего. Не такой жизни, какая была у меня.

Лили

С раннего детства мама старалась прорастить во мне семена нормальности. И семена будущего материнства. Она говорила: «Представь, если у вас с Дэвидом (сыном ее лучшей подруги) будут дети... Какими они будут красивыми!»